

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОРУЧИКА ГВАРДИИ

ЮРИЙ
ШЕСТЁРА

Исторические
Приключения

Исторические приключения (Вече)

Юрий Шестёра

Приключения поручика гвардии

«ВЕЧЕ»

2015

Шестёра Ю. Ф.

Приключения поручика гвардии / Ю. Ф. Шестёра — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Исторические приключения (Вече))

Молодой гвардейский поручик Андрей Шувалов и его закадычный друг, мичман Морского корпуса Фаддей Беллинсгаузен, давно мечтали о каком-нибудь серьезном испытании в жизни, чтобы доказать себе и окружающим, что они настоящие мужчины. И вот зимой 1803 года судьба сделала крутой поворот. Фаддей был зачислен вахтенным офицером на шлюп «Надежда» под командой самого Крузенштерна, а Андрея совершенно неожиданно назначили в состав торговой миссии под руководством князя Резанова на тот же корабль. И долгожданные приключения двух друзей начались!..

Содержание

Глава I	6
Глава II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юрий Шестера

Приключения поручика гвардии

© Шестера Ю. Ф., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Глава I Пролог

Очнулся Андрияша на рассвете, когда еще невидимое солнце осветило взметнувшийся ввысь шпиль на здании Адмиралтейства. И хотя после очередной вечеринки молодых офицеров в Английском клубе уснул далеко за полночь, что-то беспокоило его. Голова соображала еще довольно туго, но, испив из кувшина огуречного рассола, заранее приготовленного слугой, знающим прихоти барина, Андрияша стал пытаться восстановить события бурно проведенной ночи.

И тут его осенило. Флотские офицеры, бывшие к этому времени в фаворе, возбужденно делились впечатлениями об утвержденном накануне Его Императорским Величеством Александром Павловичем, недавно вступившим на престол, проекта морской экспедиции на Камчатку и в Русскую Америку¹. Глаза моряков светились неподдельным восторгом. Еще бы! Ведь сейчас считался дальним плаванием переход из Кронштадта в Архангельск вокруг Скандинавского полуострова, а тут кругосветное плавание через все моря и океаны! А начальником этой экспедиции назначили какого-то лейтенанта Крузенштерна², произведенного по этому поводу в капитан-лейтенанты.

У Андрияши засосало под ложечкой. Многие из этих недавних выпускников Морского кадетского корпуса совсем скоро будут в течение нескольких долгих лет в шторм и в штиль, при попутных и встречных ветрах бороздить неведомые доселе воды, увидят дальние экзотические страны и народы, их населяющие. И вернуться настоящими «морскими волками» на зависть сверстникам и на радость столичным барышням. А он, хоть и гвардейский поручик, будет в это время прозябать в столичном гарнизоне и тянуть однообразную офицерскую лямку. Какая несправедливость!

От этих переживаний у молодого и от природы любознательного молодого человека хмель как рукой сняло. Он, конечно, не флотский офицер, и посему никакого отношения к морским делам не имеет. Но ведь что-то же можно предпринять?! Поэтому вся надежда может быть только на батюшку, представителя старинного дворянского рода, имевшего связи в аристократических столичных кругах. Но Андрияша понимал, что прежде чем обратиться к нему с такой необычной просьбой, нужно располагать хоть какой-нибудь достоверной информацией по поводу предполагаемой экспедиции.

И тут он вспомнил о мичмане Фаддее Беллинсгаузене³, которого достаточно хорошо знал, так как был почти его ровесником, и который, кстати, участвовал в этой самой последней

¹ Русская Америка – неофициальное название русских владений во второй половине XVIII – второй половине XIX веков на Аляске, Алеутских островах, по северо-западному побережью Северной Америки.

² Крузенштерн Иван Федорович (1770–1846) – русский мореплаватель, адмирал, почетный член Петербургской академии наук. В 1778 году окончил Морской корпус, в том же году участвовал в Гогландском сражении. В 1793 году направлен волонтером в Англию для совершенствования в морском деле. Плавал в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах. В 1799 году вернулся в Кронштадт. В 1802 году назначен начальником Первой русской кругосветной экспедиции (1803–1806), в состав которой входили корабли «Надежда» (командир И. Ф. Крузенштерн) и «Нева» (командир Ю. Ф. Лисянский). 7 августа 1803 года корабли вышли из Кронштадта, в марте 1804 года обогнули мыс Горн и вступили в Тихий океан. После посещения Гавайских островов «Нева» направилась в Русскую Америку, а «Надежда» – на Камчатку и затем в Японию. В августе 1806 года экспедиция вернулась в Кронштадт через Индийский и Атлантический океаны. С 1811 года Крузенштерн был инспектором, а в 1827–1842 гг. директором Морского корпуса.

³ Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич (1778–1852) – русский мореплаватель, адмирал. В 1803–1806 гг. участвовал в кругосветном плавании на корабле «Надежда» под командой И. Ф. Крузенштерна. В 1819–1821 гг. возглавлял кругосветную экспедицию на шлюпах «Восток» (командир И. Ф. Беллинсгаузен) и «Мирный» (командир М. П. Лазарев), посланную в Антарктику с целью максимального проникновения к южной полярной зоне и открытия неизвестных земель. 16 января 1820 года экспедиция открыла Антарктиду, приблизившись к ней в районе шельфового ледника Беллинсгаузена. В 1821 году открыл остров, названный именем Петра I, и берег, названный именем Александра I.

вечеринке в Английском клубе. И окрыленный надеждой, Андрияша договорился о встрече с ним в ближайшие дни. Фаддей хоть и был немало озадачен неожиданной просьбой поручика, но все-таки поведал известную ему историю этого вопроса.

Когда в 1778 году великий английский мореплаватель Джеймс Кук⁴, безуспешно искавший в своей третьей кругосветной экспедиции Северо-западный проход из Тихого океана в Атлантический, подошел к одному из островов Алеутской гряды, то был очень удивлен присутствием на нем русских мореходов. Еще более он был удивлен видом судна, на котором, по его мнению, можно было с грехом пополам тащиться вдоль берегов, а они, эти самые русские мореходы, оказывается, не только посмели, но и плавали в этих бурных северных океанских широтах.

Кое-как набранный из невыдержанного леса корпус, латаные-перелатаные паруса, в сплошных узлах снасти корабельного такелажа... Одним словом, суденышко выглядело убогой сиротой на фоне громад трехмачтовых сорокапушечных красавцев «Резолюшен» и «Дискавери» с полированными чуть ли не до блеска бортами и целым облаком парусов из безукоризненно белоснежной парусины.

Блестящий английский капитан, естественно, не только не знал, но и не мог предположить, что всю корабельную оснастку перевозили из Центральной России на Дальний Восток за многие и многие тысячи верст обозами по самому северу бескрайней Сибири. И чтобы уложить на возы такие крупные вещи, парусину и канаты разрезали на куски, якоря распиливали на части, а затем уже на охотских верфях сшивали, связывали и сковывали вновь.

Однако удивлению многоопытного капитана не было предела, когда он увидел морскую карту этих мореходов, бесценную на взгляд много повидавшего на своем веку моряка, бережно извлеченную из-за пазухи штурманом Измайловым с разрешения шкипера Якова Ивановича Сапожникова. Кук, конечно, что-то слышал о Беринге⁵, который будто бы лет сорок тому назад переплыл из Сибири в Америку, но все считали это маловероятным ввиду уж слишком большой удаленности, по их мнению, Азии от Америки. Но перед ним не во сне, а наяву лежала со следами перегибов от длительного употребления морская карта, созданная Берингом и его соратниками! На русской карте с большой точностью были нанесены все острова с указаниями мест, удобных для стоянки судов, и обозначены безопасные фарватеры в проливах между ними.

С разрешения гостеприимных хозяев он стал быстро исправлять свою карту, сверяя ее с картой русских, сохранив при этом все труднопроизносимые для англичанина русские географические названия, некоторым из которых он уже успел дать свои, считая себя их первооткрывателем. Затем на северной части Тихого океана, отделенной от него Алеутскими островами, размашисто написал: «See of Bering», то есть «Море Беринга».

* * *

Екатерина II, узнав о посещении Алеутских островов Куком и показа ему морской карты, составленной по результатам Второй Камчатской экспедиции Беринга, была не на шутку встревожена. Ведь эта карта была предназначена только для внутреннего пользования, так как результаты Великой Северной экспедиции, частью которой была и Вторая Камчат-

⁴ Кук Джеймс (1728–1779) – английский мореплаватель. Совершил три кругосветных плавания, открыл острова Общества, установил островное положение Новой Зеландии, открыл Большой Барьерный риф, восточное побережье Австралии и Гавайские острова, исследовал и частью впервые нанес на карту северо-западное побережье Америки. Убит в стычке с гавайцами.

⁵ Беринг Витус Ионассен (1681–1741) – капитан-командор русского флота, выходец из Дании. В 1725–1730 и 1733–1741 гг. руководил Первой и Второй Камчатскими экспедициями, в ходе которых было подтверждено наличие пролива между Азией и Америкой, а также открыты берега северо-западной Америки. Умер во время зимовки на Командорских островах (о. Беринга).

ская экспедиция, открывшая берега Северо-Западной Америки, объявлялись секретными. В результате этих географических открытий в северной части Тихого океана Америка уже в первой половине XVIII века была включена в сферу русской внешней политики. И интерес англичан к этому удаленному району Тихого океана и к землям, там находящимся, для разведки которых был послан не кто-нибудь, а сам капитан Кук, являвшийся непререкаемым авторитетом среди мореплавателей всех европейских морских держав, угрожал притязаниям России на владение этими далекими, но богатыми мехами заморскими территориями.

Просвещенная императрица прекрасно знала, что сам по себе факт открытия тех или иных земель еще не давал права на присоединение их в качестве колоний до организации на них постоянных поселений. Но русских поселений на территории Северной Америки, за исключением острова Кадьяк у залива Аляска, пока еще не было, и государственный ум российской императрицы подсказал нетривиальный путь решения этой проблемы. Она дала указание изготовить большое количество чугунных плит с медным гербом Российской империи и надписью:

ЗЕМЛЯ РОССИЙСКОГО ВЛАДЕНИЯ

Эти плиты надлежало тайно закопать в обусловленных местах на всех землях Северо-Западной Америки, которые уже посещали или будут посещать в будущем подданные Российской империи, как неоспоримое доказательство приоритета русских в колонизации этих территорий. А для доставки в Петропавловск этого объемного и тяжелого груза Екатерина указала в короткий срок организовать специальную Тихоокеанскую морскую экспедицию.

Так в конце 70-х годов XVIII века не только зародилась идея первого кругосветного плавания русских моряков, но и начались конкретные работы по ее осуществлению. Начальником экспедиции предполагалось назначить одного из опытейших капитанов русского флота Григория Ивановича Муловского.

Но грянула война – шведский король Густав III в 1788 году направил свой могучий флот к русским берегам. Шведы намеревались разгромить русских и вернуть все земли по побережью Балтийского моря, отобранные у них Петром I.

Русская эскадра во главе с адмиралом Грейгом⁶, выходцем из Шотландии, вышла из Кронштадта навстречу противнику и 6 июля встретилась со шведами в Финском заливе, в тридцати милях западнее острова Гогланд. В этом морском сражении, получившем название Гогландского, несмотря на равенство сил, победу одержали русские. В своем донесении командующий эскадрой особо отметил мужество команды линейного корабля «Мстислав» под командой капитана Муловского, не покинувшим линию баталии до конца боя, имея серьезные повреждения корпуса и рангоута от огня неприятеля.

Однако уже в следующем, 1789 году в сражении у острова Эланд славный командир «Мстислава» был убит. Русский флот потерял не только одного из лучших своих капитанов, но и потенциального руководителя кругосветной экспедиции, судьба которой сложилась бы несомненно более удачно, а Григорий Муловский заслуженно стяжал бы славу первого русского мореплавателя, пронесшего Андреевский флаг по всем океанам. Но судьба распорядилась иначе...

⁶ Грейг Самуил Карлович (1736–1788) – русский военно-морской деятель, адмирал, по национальности – шотландец. В 1764 году перешел на русскую службу из английского флота в чине капитана 1-го ранга. Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. командовал отдельными отрядами кораблей в составе эскадры адмирала Г. А. Спиридова, фактически руководил флотом в Чесменском бою 1770 года. Во время Русско-шведской войны 1788–1790 гг. успешно командовал эскадрой Балтийского флота и одержал победу в Гогландском сражении 1788 году.

Тем не менее подготовительные работы по организации Тихоокеанской экспедиции были успешно завершены, и фрегат под гром пушек бастионов покинул Кронштадт, взяв курс на далекий Петропавловск. Однако при выходе из Балтийского моря он потерпел кораблекрушение, будучи во время шторма выброшенным на прибрежные рифы одного из датских проливов. У Екатерины II появилась новая головная боль – потерю одного из лучших кораблей Балтийского флота еще можно было пережить, но в случае обнаружения европейцами секретных чугунных плит, находившихся на его борту, России грозил серьезнейший международный скандал с непредсказуемыми последствиями.

Однако тайну плит все же удалось сохранить, и они после возвращения их в Петербург были все-таки доставлены в Охотск сухопутным путем через Сибирь, несмотря на то, что в те времена провоз туда только одного пуда стоил целого состояния. А затем уже морем были переправлены в Петропавловск на Камчатке и развезены оттуда на все острова и земли Северо-Западной Америки, где ступала нога русского морехода, в точном соответствии с указаниями русской императрицы.

Так незадачливо закончилась первая попытка осуществления русскими моряками кругосветного плавания. Но отрицательный результат – тоже результат: Россия уже была беременна кругосветными морскими путешествиями.

* * *

Инициатором новой экспедиции на Дальний Восток и в Русскую Америку стал лейтенант Иван Федорович Крузенштерн, который в свои тридцать два года уже снискал славу опытного моряка. Он успел не только участвовать в морских сражениях со шведами на линейном корабле «Мстислав» под командой капитана Муловского, но и послужить офицером на военно-морских флотах Англии и Соединенных Штатов Америки и побывать в Северной Америке, Карибском море, Африке, Индии и Китае. Еще будучи юным мичманом и зная о подготовке Тихоокеанской экспедиции, он просил капитана Муловского взять его с собой в случае назначения того начальником этой экспедиции.

Поэтому, вернувшись из дальнего путешествия на родину, Крузенштерн, основываясь на собственном опыте, подготовил проект организации кругосветного плавания, о котором мечтал с юношеских лет, снабдив его подробным обоснованием огромной выгоды для России подобного предприятия. И сразу же приобрел могущественных союзников по реализации этого проекта в лице купцов Российско-Американской компании⁷. Дело в том, что наряду с другими побудительными мотивами в проекте были два положения, сулившие Компании значительное увеличение ее прибылей.

Во-первых, расчеты Крузенштерна показывали, что провоз груза морем из Петербурга в Русскую Америку обойдется во много раз дешевле и быстрее, чем провоз того же груза традиционным сухопутным путем через Сибирь. Во-вторых, продажа в Китае заготовленной в Русской Америке пушнины гораздо прибыльнее, чем в Европе, что доказал французский мореплаватель Лаперуз⁸, очень выгодно продавший в Макао, португальской колонии в Китае, меха, привезенные из Северо-Западной Америки.

⁷ Российско-Американская компания – торговое объединение, учрежденное в 1799 году в России в целях освоения территории Русской Америки, Курильских и др. о-вов. Ей предоставлялось в монопольное пользование все промыслы и ископаемые, находящиеся на этих территориях, право организовывать экспедиции, занимать вновь открытые земли и торговать с соседними странами. В связи с продажей русских владений США в 1867 году Компания была ликвидирована.

⁸ Лаперуз Жан Франсуа де Гало (1741–1788?) – французский мореплаватель. В 1785–1788 гг. возглавил исследовательскую тихоокеанскую экспедицию на фрегатах «Буссоль» и «Астролябия». Обогнув мыс Горн, прошел к горе Св. Ильи у залива Аляска, проследил северо-западное побережье Северной Америки к югу, пересек Тихий океан, от Филиппин через Восточно-Китайское и Японское моря проник в Татарский пролив и прошел через пролив между островами Сахалин и Хоккайдо (впоследствии названный его именем) к Камчатке. Из Петропавловска Лаперуз послал Ж. Б. Лессепа в Париж (через Петербург)

Кроме того, Крузенштерн, учитывая печальный исход Тихоокеанской экспедиции, а также опыт дальних плаваний французского капитана Лаперуза и английского капитана Кука, предусматривал участие в предлагаемой им экспедиции уже двух кораблей вместо одного.

Однако император Павел I, несмотря на ходатайство именитых членов правления Российско-Американской компании, отверг представленный ему проект Крузенштерна, назвав его чепухой, что тем более удивительно, так как самодержец имел высший морской чин генерал-адмирала, являясь шефом Военно-морского флота Российской империи. В связи с чем надежды русских моряков на участие в кругосветном плавании, а купцов Компании на получение сверхприбылей, казалось, окончательно и бесповоротно рухнули.

Но в 1801 году в результате дворцового переворота гвардии Павел I был убит. Вскоре после этого Российско-Американская компания обратилась к новому императору за помощью в организации морской экспедиции в Русскую Америку, и в 1802 году Александр I утвердил ее проект.

Начальником экспедиции и капитаном флагманского трехмачтового шлюпа «Надежда» был назначен Иван Федорович Крузенштерн, произведенный в чин капитан-лейтенанта, а капитаном шлюпа «Нева» – его друг еще со времен Морского корпуса капитан-лейтенант Юрий Федорович Лисянский⁹.

Из морского департамента Крузенштерну сразу же сообщили, что Его Императорское Величество желает, чтобы он немедленно принимался за дело.

* * *

Фаддей старался как можно точнее излагать эту волнующую и лично его историю. Ведь он уже твердо решил добиваться своего участия в экспедиции Крузенштерна. А Андрияша с замиранием сердца слушал повествование мичмана, изредка задавая уточняющие вопросы, и не переставал удивляться глубоким знаниям молодого флотского офицера. Знать, хорошо готовили дворянских отпрысков в Морском корпусе, так как он сам был довольно хорошо образованным молодым человеком, свободно владел французским, читая французских авторов в подлиннике, изъяснялся на английском и немецком, так что мог в полной мере оценить эрудицию собеседника.

После этой удивительной беседы Андрияша был вполне уверен в своей готовности для обращения к батюшке со своей неординарной просьбой, хотя и испытывал внутренний трепет, хорошо зная его дотошность и вполне возможный взрыв гнева у родителя при недостаточно точном ее изложении. Но Андрияша точно знал и другое – теперь он ни при каких обстоятельствах не отступится от своей мечты. Такая возможность испытать себя в деле может возникнуть только один раз в жизни...

с отчетом и картами, а фрегаты повел к Австралии. Из Сиднея экспедиция пошла на север и пропала без вести. В 1826 году капитан Диллон и в 1828 году французский мореплаватель Дюмон-Дюрвиль нашли некоторые вещи экспедиции на острове Ваникоро (из группы островов Санта-Крус) и у рифов близ него, а в 1964 году французской экспедицией Брасара обнаружены остатки затонувшего фрегата.

⁹ Лисянский Юрий Федорович (1773–1837) – русский мореплаватель, капитан 1-го ранга. В 1786 году окончил Морской корпус. В 1793–1799 гг. плавал на кораблях и участвовал в боевых действиях британского флота (в Северной Америке, Вест-Индии, Южной Африке, Индии). По возвращении в Россию участвовал в подготовке и осуществлении Первой русской кругосветной экспедиции (1803–1806) на кораблях «Надежда» и «Нева» в качестве командира «Невы» (начальником экспедиции и командиром «Надежды» был И. Ф. Крузенштерн). В 1809 году вышел в отставку.

* * *

Однако страхи Андрюши оказались напрасными. Петр Иванович благосклонно выслушал исповедь сына, внутренне радуясь его устремлениям, но, естественно, не подавая при этом вида. Он сидел в долгом раздумье, прекрасно понимая всю сложность предстоящих хлопот. Хотя Андрюша и был офицером, пусть и гвардии, но никакого отношения к флоту не имел. Да, он хорошо образован, но одного этого мало. Нужны еще какие-то возможности, какие-то еще пути решения этого непростого вопроса.

Но, видя устремленные на него глаза сына, полные мольбы и веры в его могущество, Петр Иванович не смог вот так сразу отказать ему. Да, честно говоря, и не очень-то и хотел – он прекрасно понимал, что представлялся действительно уникальный случай получить его сыну и наследнику столь драгоценный опыт преодоления трудностей, которые, как он знал по собственному опыту, будут неизбежно встречаться на его жизненном пути.

– Ладно, Андрюша, попробую прошупать почву в кругах, от которых может зависеть решение твоей проблемы. Чем черт не шутит, может быть, и найдется какой-нибудь выход.

Андрюша повис на шее своего горячо любимого батюшки, благодарный не только за данное им обещание, но и за то, что тот воспринял его мечты и устремления.

Когда же об их беседе узнала матушка, то только всплеснула руками:

– Бог с тобой, куда же ты собираешься-то, Андрюшенька, ведь сгинешь где-нибудь на самом краю света!

Но, взглянув на нахмурившегося Петра Ивановича, сразу же утихла и только краем платка утерла набежавшую слезу. Все домашние хорошо знали об особом отношении отца к сыну, своему первенцу и наследнику, в которого он вложил столько отцовской любви, и дав ему прекрасное по тем временам образование.

* * *

С тех пор на большом письменном столе Андрюши в его комнате появились во множестве географические карты, украшенные плававшими по океанам китами с фонтанами воды над головами и прочими морскими чудищами, фолианты с описаниями заморских стран и путешествий мореходов с древнейших времен. Теперь он гораздо чаще, чем привилегированный Английский клуб, посещал книжные лавки, скупая нужные ему издания, немало удивляя книготорговцев странными, на их взгляд, пристрастиями блестящего гвардейского офицера.

А тот уже всерьез задумывался над изучением испанского языка, так как не раз и не два в его руки попадали прекрасно изданные и хорошо иллюстрированные испанские книги по морской тематике. Ведь как ни крути, а Испания была великой морской державой, владычицей морей вплоть до разгрома англичанами ее Непобедимой армады в 1586 году.

Время шло, и каждый раз по возвращении отца домой Андрюша с надеждой вглядывался в выражение его лица и каждый раз огорченно опускал глаза, понимая, что долгожданного результата нет.

А однажды в его отсутствие матушка привела отца в комнату сына, и тот даже ухмыльнулся, увидев содержание стола Андрюши, который, как оказалось, категорически запретил прислуге при уборке не то что перемещать, а даже прикасаться к его сокровищам. Бегло просмотрев собранную сыном литературу, Петр Иванович проникся еще большим к нему уважением, угадывая присущую ему самому целеустремленность. Он ориентировочно оценил стоимость собранной коллекции – а по-другому и нельзя было назвать это собрание раритетов! – и решил каким-нибудь образом возместить сыну финансовые затраты, которые явно превы-

шали денежное содержание гвардейского офицера, потому как просто так он, Андрюша, скорее всего, денег не возьмет.

Затем присел в кресло сына и глубоко задумался, в то время как матушка, прижав руки к груди, чуть ли не со страхом наблюдала за ним, понимая, что именно сейчас решается судьба ее милого Андрюшеньки.

Некоторое же время спустя, когда батюшка вернулся со службы, сердце Андрюши екнуло: «Неужели?..» Петр Иванович между тем не спеша разделся и, перекрестившись на иконы в красном углу, пригласил сына в свой большой и уютный кабинет, обставленный стеллажами с книгами в дорогих кожаных переплетах с золотым тиснением, вход в который без его разрешения был раз и навсегда запрещен кому бы то ни было. Это была святая святых их большого дома. Именно здесь, в благоговейной тишине, Петр Иванович готовил и принимал самые важные и ответственные решения.

Сев в свое любимое кресло за изящным, заморской работы, письменным столом, кивнул сыну на кресло, стоящее напротив. И только тогда, видя ожидание и немой вопрос в его глазах, улыбнулся. Андрюша же, истерзанный долгим ожиданием и неопределенностью и сердцем понявший, что наконец что-то сдвинулось в решении его вопроса, не выдержал и разрыдался. Петр Иванович, явно не ожидавший такой реакции сына, растерянно смотрел на его вздрагивающие плечи и с болью в сердце понял, что же на самом деле творилось в душе его любимца в эти последние месяцы.

Когда же Андрюша несколько успокоился и, стыдясь своей минутной слабости, кротко взглянул на отца, то совершенно неожиданно увидел в глазах этого, в общем-то, сурового и скупого на эмоции человека столько любви и нежности, что чуть снова не расплакался от счастья. Так молча и сидели два близких по крови и по духу человека, глядя друг другу в глаза. Слова здесь были совершенно ни к чему...

Наконец Петр Иванович, сглотнув комок, застрявший в горле, и для пущей солидности прокашлявшись, сообщил Андрюше главную новость.

– Довольно быстрое высочайшее утверждение проекта экспедиции на Дальний Восток и в Русскую Америку было связано не столько с просьбой членов правления Российско-Американской компании, сколько с назревшей необходимостью установления торговых отношений с Японией. Этого требовала политика укрепления влияния России в северотихоокеанском регионе. В то же время правительство императорской Японии проводило изоляционистскую политику, не допуская европейцев в свои порты за исключением голландцев, да и то только в Нагасаки. Необходимо было попытаться сломать эту традицию, тем более что Россия становилась для Японии практически единственным соседним европейским государством.

Однако направить миссию в Японию через Охотск или Петропавловск на каком-нибудь углу суденышке значило заведомо обречь ее деятельность на неудачу, так как японцы уже видели большие голландские корабли, заходившие в Нагасаки. Поэтому появление в Японии русского трехмачтового военного корабля должно было, соответственно, вызвать уважение к стране, желавшей установить определенные с ней отношения. А тут как раз и подоспел проект Крузенштерна. Потому-то Александр I и торопил моряков с подготовкой этой экспедиции.

Возглавить торговую миссию в ранге полномочного посланника было поручено камергеру Николаю Петровичу Резанову¹⁰, который стал отвечать не только за подбор членов миссии, но и был обязан принять активное участие в подготовке самой экспедиции. Я достаточно

¹⁰ Резанов Николай Петрович (1764–1807) – русский государственный деятель, почетный член Петербургской академии наук (1803). Один из учредителей Российско-Американской компании. Возглавлял правление компании. Участвовал в организации Первой русской кругосветной экспедиции во главе с И. Ф. Крузенштерном, с которой отправился в качестве полномочного посланника с поручением установить торговые отношения с Японией. Однако цель его миссии не была достигнута вследствие противодействия японского правительства. Посетив с инспекцией поселения в Русской Америке, через Охотск вернулся в Россию. Скончался в Красноярске по дороге в Петербург.

хорошо знаю этого молодого и энергичного вельможу, и как раз на сегодня с большим трудом добился у его превосходительства, вечно занятого неотложными государственными делами, аудиенции. Коротко выслушав мою просьбу и данную мною краткую характеристику твоих деловых качеств, он дал согласие на включение тебя в состав своей миссии.

Так что, Андрюша, Богом молю, постарайся не подвести меня.

– Что ты, батюшка! – горячо воскликнул тот. – Верь в меня, как в себя...

Он прямо-таки ел глазами отца, все еще не веря удаче, свалившейся на его голову. Свершилось – он действительно пойдет в кругосветное плавание в составе экспедиции! Ай да батюшка! «И небываемое бывает!» – вспомнил он возглас Петра I после захвата в 1703 году двух шведских кораблей в устье Невы. И действительно, казалось бы, невозможное стало реальностью. Андрюша даже суеверно ущипнул себя за мочку уха, чтобы убедиться, что это не сладкий сон.

А Петр Иванович, словно не замечая состояния сына, поведал необходимые тому данные о его новом начальнике.

– Николай Петрович Резанов родился в 1764 году, имеет придворный чин камергера, что в соответствии с Табелью о рангах¹¹ приравнивается к флотскому чину контр-адмирала. В начале 90-х годов женился на дочери именитого купца Григория Ивановича Шелихова¹², одного из основателей официально оформленной в 1799 году Российско-Американской компании. После скоропостижной смерти Шелихова становится одним из главных пайщиков Компании и одним из ее учредителей, а с 1800 года после перевода ее правления из Иркутска в Петербург избирается главой ее правления.

Сухие официальные данные, за которыми скрываются перипетии жизни одного из ярких представителей государственных деятелей послепетровской России.

* * *

Теперь Андрюша денно и ночью все свободное от службы время посвящал изучению накопленных сокровищ. Начал изучать и звучный испанский язык, так как отплытие экспедиции в кругосветное плавание намечалось только на конец лета следующего, 1803 года, и времени на это было предостаточно. По этому случаю прикупил и давно присмотренные дорогостоящие старинные испанские книги, благо, что батюшка под каким-то предлогом всучил ему довольно крупную сумму денег, отказаться от которых в силу сложившихся обстоятельств он просто не смог.

А матушка только дивилась упорству сына. Она уже давно смирилась с принятым мужчинами решением и все никак не могла насмотреться на своего милого сердцу Андрюшеньку, отгоняя прочь мысль о предстоящей разлуке. Она даже шикала на дворовых, когда в доме, по ее мнению, становилось слишком шумно:

– Забыли, что ли, оголтелые, – молодой барин работает!

Сама же, отгоняя прислугу, приносила в комнату сына то кофе со сливками, то еще что-нибудь вкусненькое, а сама с чисто женским любопытством поглядывала на ворох книг и карт, над которыми корпел ее сынок. И умилялась: «Какой же он у меня умный!» А однажды поздно вечером с наигранной строгостью сделала ему замечание, указывая на канделябры с оплывшими восковыми свечами:

¹¹ Табель о рангах – законодательный акт, утвержденный Петром I (1722), устанавливал систему военных, гражданских и придворных чинов, их соотношение, порядок прохождения государственной службы, последовательность чинопроизводства в Российской империи.

¹² Шелихов Григорий Иванович (1747–1795) – русский мореход, купец. С 1777 года организовывал плавание купеческих судов на Курильские и Алеутские острова. В 1783–1786 гг. возглавил экспедицию к берегам Русской Америки, во время которой там впервые были основаны русские поселения.

– Ты, Андрюшенька, скоро разоришь семью – на тебя же свечей не напасешься! – но не выдержала и радостно рассмеялась, на что сын ответил ей благодарной и милой ее материнскому сердцу улыбкой.

* * *

И все же Андрюша как-то заглянул в Английский клуб, чтобы хоть несколько расслабиться от своих ежедневных бдений за письменным столом и сменить обстановку. Завсегдатаи клуба, друзья и просто приятели, радостно приветствовали его, приглашая к своим столикам. Но тут он встретился с устремленным на него взглядом. Ба! Да это же Фаддей Беллинсгаузен! Они дружески обнялись, приняли по маленькой. И Фаддей, несколько стесняясь, сообщил:

– Я наконец-то зачислен вахтенным офицером на шлюп «Надежда» под команду Крузенштерна, – и виновато опустил глаза, как бы боясь своей радостью ранить душу товарища.

– Ну что же, – после некоторой паузы спокойно ответил Андрюша, – значит, пойдем в плавание на одном корабле.

Мичман недоуменно посмотрел на гвардейского поручика. И только когда Андрюша пояснил, что он тоже зачислен, но в торговую миссию под команду Резанова, оба офицера откровенно и задорно рассмеялись, привлекая к себе внимание других посетителей клуба. Но для них в данный момент это не имело никакого значения...

Они снова крепко обнялись и долго стояли так, переживая бившую через край общую радость.

Глава II

К дальним берегам

Наконец настал столь долгожданный день.

Вся набережная была буквально забита respectable публикой. Родные, близкие, друзья и товарищи провожали в кругосветное плавание моряков и членов торговой миссии. Царило всеобщее радостное возбуждение, подогреваемое видом стоящих на Кронштадтском рейде «Надежды» и «Невы», готовых к дальнему походу.

Андрюша в партикулярном¹³ платье, столь непривычном для близких, стоял в окружении родителей и сестренки Машеньки и Катюши, испытывая одновременно чувства нетерпения к скорейшему выходу в открытое море и радости от присутствия столь близких для него людей. Батюшка молча взирал на своего любимца, понимая, что не увидит его несколько долгих лет. Матушка же все никак не могла наглядеться на своего Андрюшеньку, а когда тревожно перевела взгляд на застывшие на рейде шлюпы, то украдкой вытирала набежавшую слезу. А сестренки с девичьим восторгом смотрели на своего старшего брата, такого красивого и отважного, переполненные гордостью и желавшие непременно поделиться с кем-нибудь из окружающих своей радостью. Но у всех провожающих, как назло, были свои заботы и переживания.

Когда же с «Надежды» прозвучал пушечный выстрел, уходящие в плавание расцеловались со своими близкими и поспешили к своим катерам, стоявшим у берега, а оставшиеся осеняли их крестным знаменем.

Наконец шлюпы снялись с якоря и стали под паруса, а когда те наполнились ветром, салютовали крепости семью выстрелами, на что им равным числом было ответствовано. На брандвахте – корабле, наблюдающим за выполнением установленных правил судами, прибывающими и выходящими из порта, – когда они мимо нее проходили, матросы были поставлены по сеткам вдоль ее борта, которые желали счастливого пути отважным мореплавателям тройным, протяжным по флотскому обычаю, «ура!».

Здесь все в последний раз мысленно простились с провожающими, которые уже издали продолжали напутственно махать шляпами и платочками. Теперь они остались одни, и Андрюша почувствовал, что с этого момента каждый час, каждое мгновение будет удалять его от всего, что для него так дорого, и не смог удержаться от слез...

* * *

Начались морские будни. Андрюша договорился с Фаддеем и, испросив разрешения у капитана присутствовать на вахтах вместе с Беллинсгаузеном, стал постигать искусство управления парусным судном.

О, это была великая наука! Сколько же времени ушло только на изучение устройства судна и бесчисленного количества парусов трехмачтового шлюпа и их назначения! Казалось, запомнить всего было невозможно. Но от вахты к вахте все постепенно становилось на свои места, и Андрюша стал уже осваивать повороты судна с галса на галс. И чем больше познавал нового в управлении парусами, тем больше осознавал бездну знаний, которую еще надо было постигнуть.

Он испытывал большую признательность Фаддею, который был не только отличным моряком, но и умелым учителем, терпеливо и не спеша обучавшим его бесчисленным тайнствам морской науки.

¹³ Партикулярный – штатский, не форменный.

Особенно трудной была так называемая моряками «собака», то есть вахта с нуля до четырех часов утра, когда не только клонило ко сну, но и было почти ничего не видно. Хотя впередсмотрящие, самые зоркие и чуткие матросы, непрерывно вглядывались с салинга в пространство, лежащее перед судном, и вслушивались в шумы моря, чтобы, не дай Бог, не прозевать приближение корабля к надводным рифам. Здесь, в средних широтах, было еще терпимо, а вот в тропиках, как рассказывал своим офицерам Крузенштерн, было действительно так темно, хоть глаз выколи. И тогда приходилось убирать часть парусов, чтобы снизить ход судна.

Когда же подошли к датским проливам, капитан уже вообще не уходил с мостика. Он, да и все офицеры, хорошо помнили участь фрегата Тихоокеанской экспедиции, постигшую его именно в этих местах. А моряки во все века были, наверное, самыми суеверными людьми на свете. К этому их приучили превратности морской службы, когда в случае несчастья никто не мог помочь им, и приходилось рассчитывать только на свои собственные силы.

И хотя дул свежий норд-ост, шторма, слава Богу, не было. А когда благополучно минули Скагеррак, последний из датских проливов, и вышли в Немецкое море¹⁴, Крузенштерн, оглянувшись на «Неву», послушно шедшую в кильватере за флагманом, широко и истово перекрестился, чему благоговейно последовали и все офицеры, находившиеся на шканцах, а затем спустился в свою каюту отсыпаться.

* * *

Однажды, когда шлюпы уже давным-давно минули пролив Ла-Манш, отделявший британские острова от материка, и бороздили воды Атлантического океана, в кают-компанию, где отдыхали офицеры, свободные от вахты, и члены торговой миссии, неожиданно вошел камергер¹⁵ Резанов в сопровождении Крузенштерна. По команде старшего офицера, хозяина кают-компании: «Господа офицеры!» все встали по стойке «смирно». Их редко видели присутствовавшие, так как пищу они принимали в своих каютах: Крузенштерн – в капитанской, а Резанов – в адмиральской. Поэтому их появление в кают-компании было целым событием.

Однако в процессе беседы на самые разные темы Резанов совершенно неожиданно заинтересовался успехами его подчиненного в освоении морских наук. Андрюша аж вспыхнул от такого внимания к своей особе. Он никак не предполагал, что камергер не только знал о его бдениях на мостике, но, оказывается, и следил за их результатами. По знаку капитана мичман Беллинсгаузен доложил:

– Поручик гвардии Шувалов по результатам совместных со мной вахт через самое малое время будет практически готов к самостоятельному исполнению обязанностей вахтенного офицера, обладая как достаточными для этого знаниями по управлению парусами и судном, так и хорошо поставленным командным голосом.

Резанов с некоторым сомнением обернулся к Крузенштерну, но тот подтвердил слова мичмана. Было видно, что камергер остался весьма довольным успехами поручика, убедившись к тому же и в верности характеристики, данной ему его отцом.

Андрюша же был на седьмом небе от счастья, но краем глаза все-таки отметил, как ревностно вспыхнуло лицо кадета Морского корпуса Коцебу¹⁶, который хотя еще и не имел офицерского чина, но, будучи дворянином, был допущен в кают-компанию. Ведь он уже в следующем году должен быть переведен в гардемарины, но о самостоятельном несении им вахты

¹⁴ Немецкое море – Северное море.

¹⁵ Камергер – высший придворный чин в дореволюционной России, соответствовавший чину полного адмирала.

¹⁶ Коцебу Отто Евстафьевич (1788–1846) – русский мореплаватель, капитан 1-го ранга. Участвовал в трех кругосветных плаваниях: в 1803–1806 гг. на шлюпе «Надежда» под командой И. Ф. Крузенштерна, в 1815–1818 гг. руководил морской экспедицией на бриге «Рюрик», в 1823–1826 гг. на шлюпе «Предприятие» в руководимой им экспедиции. С 1830 года – в отставке по болезни.

пока не могло быть и речи. А тут какой-то франт-гвардеец через столь непродолжительное время плавания уже рекомендован в вахтенные офицеры. Какая несправедливость! И не мог кадет уразуметь, что кроме этих месяцев плавания за плечами поручика гвардии были годы военной службы и знания, которые ему, пятнадцатилетнему юноше, придется ох как долго еще постигать.

Теперь на вахтах Фаддей стал доверять Андрюше самостоятельно осуществлять не очень сложные маневры судна. Вахтенные унтер-офицеры и матросы давно привыкли видеть на мостике рядом с мичманом этого молодого человека, и когда он стал отдавать команды, то стали беспрекословно выполнять их.

При первом же самостоятельном повороте оверштаг, то есть переходе на другой галс при встречном ветре путем пересечения линии ветра носом шлюпа, кромки парусов заполоскали, и пришлось срочно спускаться под ветер, а затем, выбирая шкоты, потихоньку приводить судно к более острому углу относительно ветра. Андрюша даже вспотел от напряжения, еще раз убедившись в том, что как хорошо наблюдать за маневром судна, когда его проводит опытный моряк, и как трудно это делать самому. Однако Фаддей молча наблюдал за муками подопечного, не делая каких-либо замечаний или подсказок, хорошо помня и о своих мучениях еще в Морском корпусе на занятиях по морской практике.

Когда же судно устойчиво легло на заданный курс, Андрюша смущенно посмотрел на вахтенного офицера.

– Для первого раза не так уж и плохо, – констатировал мичман. – Допустил небольшую ошибку, но не растерялся и, не суетясь, тут же исправил ее. А это самое главное, – голосом офицера-инструктора Морского корпуса заключил Фаддей.

И с каждой последующей вахтой шлюп все более и более послушно подчинялся его командам – приходил опыт управления парусным судном.

* * *

Еще при подготовке к экспедиции Андрюша решил вести не только дневник, но и путевые заметки, в которых отмечал что-то необычное, приключившееся в плавании, а также свое отношение и оценку этому. Это решение основывалось на изучении отчетов о плаваниях многих мореплавателей, которым он в свое время уделил столько времени и внимания.

Конечно, не всегда хотелось после утомительных вахт корпеть над этими записями, но он поначалу заставлял себя делать это, а затем это вошло в привычку. Кроме того, предстояла остановка на Канарских островах, принадлежавших Испании, и ему очень не хотелось ударить в грязь лицом перед флотскими офицерами в знании испанского языка. Поэтому он в свободное время, кроме всего прочего, штудировал еще учебники и пособия по изучению этого языка.

Фаддей, иногда заходивший в его каюту, всячески поощрял его занятия, так как и сам вел собственные записи. Но самым интересным были душевные беседы друзей с ученым натуралистом Лангсдорфом¹⁷, входившим в состав экспедиции от Петербургской академии наук. Григорий Иванович, которому не было еще и тридцати лет, обладал столь глубокими фундаментальными знаниями по своей дисциплине, что они просто заслушивались его рассказами. Растительный и животный мир разных стран представлялся им столь реально, что создавалось впечатление, что они на самом деле были участниками его фантастических путешествий. Про-

¹⁷ Лангсдорф Григорий Иванович (1774–1852) – русский ученый натуралист, академик. Участвовал в Первой русской кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерна (1803–1806). С 1812 года – генеральный консул в Рио-де-Жанейро. В 1821–1829 гг. возглавлял русскую научную экспедицию по обследованию обширных районов Бразилии.

кладывали себе дорогу в джунглях топорами и мачете¹⁸; преодолевали реки, кишасшие кровожадными пирайями; сражались с дикими зверями и громадными анакондами, стремившимися задушить их в своих смертельных объятьях; любовались длинноклювыми колибри, порхающими, словно бабочки, над душистыми цветками в поисках нектара... Речь шла о Бразилии, в глубь которой он, Лангсдорф, собирался организовать научную экспедицию.

Это были часы наслаждения, которое они испытывали. А Григорий Иванович, наблюдая за замороженными лицами своих собеседников, неожиданно опускал их на грешную землю, имея в виду, что одно дело слушать рассказы, а другое – участвовать в самой экспедиции, когда вся черновая работа, все тяготы и неустроенность кочевой жизни остаются где-то там, в глубине будней.

И, будучи всего лет на пять старше и Фаддея, и Андрюши, предсказывал им, как они будут рассказывать молодым офицерам о своих приключениях в дальних морях и странах, напрочь забыв и об изнурительных бесчисленных вахтах на мостике шлюпа и в тропическую жару, и в холод северных широт, об употреблении пахнущей болотом питьевой воды, осточертевшей солонины и прогорклых сухарей. В памяти останутся только яркие впечатления, и благодарные слушатели будут слушать их с буквально открытыми ртами, благоговей перед столь знаменитыми мореплавателями и путешественниками.

Их импровизированные беседы чаще всего проходили в просторной кают-компании, уют которой непроизвольно настраивал на лирический лад под приглушенный аккомпанемент музицирующих на фортепиано ее посетителей. В самом начале плавания к их узкой компании пытался подключиться и кадет Коцебу, но разность в возрасте в десять – пятнадцать лет – и это в их-то молодые годы! – и некоторая его бесцеремонность в обращении с претензией на равенство, естественным образом исключили такую возможность. Может быть, это и обидело его, но, как говорится, это были уже его проблемы.

А когда экспедиция уже приближалась к Канарским островам, Григорий Иванович, как бы между прочим, сообщил им, что в соответствии с планом Петербургской академии наук предусмотрено восхождение на вершину Тенерифского пика высотой около одиннадцати с половиной тысяч футов (более трех с половиной километров) на острове Тенерифе, самом большом острове архипелага. При этом вскользь глянул на Андрюшу, глаза у которого сразу же загорелись нетерпеливо-мечтательными огоньками. Однако никаких конкретных предложений не последовало.

Тем не менее Андрюша уже «заболел» этим путешествием, решив, как и в случае с экспедицией, что ничего невозможного не бывает. И, обложившись книгами и картами из своего собрания, которые он, разумеется, взял с собой в плавание, приступил к изучению описаний этих дивных островов.

* * *

Через несколько дней на горизонте появился конус огромной горы, подымавшейся как бы прямо из океана, на самой вершине которой, ну, просто не верилось глазам, блестели в лучах южного солнца полосы снега. Это и был Тенерифский пик.

Вечером того же дня при входе в гавань городка Санта-Крус, административного центра острова Тенерифе и всех Канарских островов, «Надежда» приветствовала крепость семью пушечными выстрелами, на что та ответила равным количеством. Крузенштерн облегченно вздохнул, так как по собственному опыту знал, что испанцы зачастую пренебрегали правилами морской этики, то ли экономя порох, то ли просто по причине пренебрежения к флагу прибывающих судов. А ведь здесь Андреевский флаг, между прочим, видели впервые.

¹⁸ Мачете – большой нож для рубки тростника.

Андрюша уже знал, что моряки всех стран очень ревностно относились к взаимному отданию приветствий, а уж военных кораблей тем более. И если крепость не отвечала равным количеством пушечных выстрелов, то корабль непременно ложился в дрейф, и к ее коменданту посылался офицер для истребования равного ответствования.

Вообще же по морским правилам купеческие суда должны были первыми приветствовать любой военный корабль, а военный корабль низшего ранга – военный корабль более высокого. Например, бриг первым приветствовал корвет, а корвет, в свою очередь, – фрегат и так далее. И если, не дай бог, эти правила нарушались, то по борту открывались пушечные порты, из которых угрожающе выдвигались стволы корабельных пушек, готовых к отмщению обидчика. Этим особенно отличались английские моряки, чрезвычайно ревностно относившиеся к чести своего военно-морского флага и не прощавшие никому даже самого малого ущемления его достоинства. А как же могло быть иначе, ведь Англия была царицей морей. И не зря ее государственный гимн начинался словами: «Правь, Британия, правь морями!»

Россия же впервые вышла в Мировой океан, и Крузенштерн отчетливо понимал, какая ответственность легла на его плечи по защите чести Андреевского флага. Потому-то так и переживал, как же его встретят в первом порту за пределами Европы.

* * *

Когда же стали на рейде на якорь и вся суэта, связанная с приходом в порт, улеглась, Григорий Иванович пригласил Андрюшу к себе в каюту.

– Руководство экспедиции, – полуофициально сообщил он, – приняло решение включить вас в группу по восхождению на Тенерифский пик. Руководить группой буду я. В нее включены также два матроса в качестве носильщиков.

– Конечно, по вашей рекомендации, Григорий Иванович? – просиял Андрюша.

– Вы так радуетесь, будто я приглашаю вас на увеселительную прогулку по морскому берегу в тени раскидистых пальм, – не сдержал улыбки натуралист. – Решение в отношении вас, Андрей Петрович, принято с учетом того, что вы пока свободны от служебных обязанностей и, кроме того, сможете общаться по-испански с местными жителями.

– Покорнейше благодарю вас за столь лестное для меня приглашение.

– Почему же все-таки «лестное»? – не унимался тот.

– Да потому, милейший Григорий Иванович, что даете мне прекрасную возможность проверить себя в настоящем деле.

Видимо, удовлетворившись ответом, Григорий Иванович уже по-деловому сообщил, что на сборы отведено всего три дня, за время которых они должны успеть нанять проводника из коренных жителей, гуанчей, которые, к счастью, тоже говорят на испанском языке.

К своей великой радости Андрюша убедился, что гуанчи понимали его, и он, иногда, правда, запинаясь, подыскивая нужные слова, вполне успешно вместе с Григорием Ивановичем наняли проводника, а заодно и четырех верховых лошадей. У натуралиста отлегло от сердца:

– Полиглот вы наш, дорогой Андрей Петрович! Выручили! Ведь иначе нужно было бы нам нанимать и переводчика, а это и накладно, и, к тому же, лишняя обуза. Да и где его найдешь в этой глуши, когда русских-то здесь никогда и не видывали?

* * *

В поход экспедиция, как неизменно называл группу восхождения Григорий Иванович, вышла ранним утром, пока еще не наступила изнуряющая жара. Впереди, на юге, казалось бы,

совсем рядом, возвышался конус Тенерифского пика, хотя на самом деле до его подножия было не менее двадцати верст.

Участники экспедиции в самом бодром настроении верхом на лошадях двигались за едущим впереди проводником. Но более всех радовались походу матросы, хоть на некоторое время оторванные от рутины корабельной жизни и догляду бдительных унтер-офицеров. Кроме того, будучи выходцами из крестьян, они не могли нарадоваться общению с лошадьми, ласково похлопывая по их шеям. А во время кратковременных остановок, когда нужно было поправить перекинутые через их спины тюки со спальными мешками, теплой одеждой, самой необходимой посудой и провизией, украдкой поглядывая на их благородия, баловали своих любимцев сухарями, предусмотрительно припасенными на шлюпе при содействии сердобольного баталера, того же, как и они сами, социального происхождения.

Хорошо знакомая проводнику тропа вилась вначале между, казалось, бесконечными плодовыми деревьями, а затем, по мере увеличения наклона местности, пошла уже лесом. Но не таким густым, как в средней полосе России, и без привычных елей, сосен, берез и дубов. Что и говорить – чужая сторона. Да и щебет птиц был не тот. Но особо выделялось пение канареек, желтыми шариками перелетавших с ветки на ветку. И хотя они уже давно были завезены в Европу и одомашнены для услаждения слуха привередливых хозяев, их количество в естественной среде обитания приятно удивляло.

Слева уже стали заметно возвышаться горы, увеличиваясь в размерах по мере продвижения экспедиции, а Тенерифский пик, бывший все еще впереди, угрожающе занимал уже большую часть неба. А тропа тем временем становилась все круче и круче.

Наконец по команде Григория Ивановича у ручейка с девственно-чистой водой был сделан привал, так как стало припекать, да и лошади заметно притомились. И теперь они, разнузданные, мирно паслись, поедая траву, гораздо более сочную, чем в долине. Андрюша с наслаждением улегся в тени большого дерева, пока матросы готовили нехитрую еду, а Григорий Иванович тем временем неутомимо рыскал по окрестностям стоянки, присматриваясь к растительности и с нескрываемым интересом рассматривая каких-то букашек в лупу, с которой так и не расставался. «Натуралист, он и есть натуралист», – снисходительно рассудил Андрюша сквозь набежавшую дрему.

Слегка подкрепившись, путешественники обмыли лица прохладной горной водой, наполнили ею фляжки и, оседлав лошадей, двинулись дальше. Через некоторое время, как-то сразу, лес кончился, и они выехали на прекрасные альпийские луга. Здесь дул слабый живительный ветерок, и, несмотря на то что солнце было почти над головой, было не так нестерпимо жарко.

Григорий Иванович то и дело соскакивал с лошади, собирая какие-то листочки-цветочки для гербария. На его обычно спокойном лице теперь уже блестели глаза азартного охотника. Еще бы! Здесь, в каких-то пятистах верстах от Северного тропика, оказаться в зоне растительности, характерной для не таких уж и высокогорных районов Средней Европы. Душа ученого чуть ли не пела от радости.

Когда же они подъехали к границе альпийских лугов и перед ними теперь выселись только каменные громады, проводник неожиданно наотрез отказался ехать дальше. И не столько потому, что не знал далее тропы, сколько из-за табу для гуанчей подниматься к вершине этой горы, так как они оттуда живыми уже не вернутся. И Григорий Иванович с Андрюшей поняли, что переубедить его в своем решении невозможно. Матросы же, стоя в сторонке и слыша перебранку господ с проводником, только суеверно и истово крестились. Что же еще за напасть такая...

Было решено оставить несговорчивого проводника здесь, а самим, уже вчетвером, продолжить восхождение на вулкан. При этом гуанча предупредил, что будет ожидать их здесь только три дня, не считая сегодняшнего, а затем вернется домой, сообщив капитану об их

гибели. Андрюшу аж передернуло, когда он представил себе лица Крузенштерна и Резанова при этом сообщении, но попытки продлить срок ожидания не увенчались успехом, так как проводник убежденно считал, что они вообще никогда не вернутся с этой проклятой его предками горы.

Это было очень существенным ограничением времени их пребывания на склонах вулкана, но в то же время, что делать? Ведь если они не уложатся в срок, отведенный проводником, то последствия этого будут самыми печальными. В общем, как ни крути, сами виноваты, что заранее не оговорили этот вопрос при найме проводника.

– Ну что же, Андрей Петрович, будем поспешать, – озабоченно подвел итог Григорий Иванович, и группа двинулась в дальнейший путь. Было видно, что это не вызвало особого энтузиазма у матросов, но привычка к дисциплине и, особо, уверенность их благородий в окончательном успехе экспедиции, несколько приободрили их.

Однако, по прошествии некоторого расстояния уклон стал столь крутым, что всадникам пришлось спешиться и вести лошадей на поводу. Остановки, чтобы перевести дух, становились все чаще, а солнце неумолимо клонилось к горизонту, и Григорий Иванович, учитывая практическое отсутствие сумерек в этих широтах, присматривал подходящее место для ночлега.

Кое-как поужинав и забравшись в спальный мешок, Андрюша, поживаясь от прохладного воздуха, только и успел, что увидеть нависшие прямо над ним огромные, чуть ли ни с кулак, южные звезды, перед тем как буквально провалиться в глубокий сон смертельно уставшего человека.

* * *

Чуть только рассвело, Григорий Иванович бесцеремонно растолкал своих спутников. Дальше подниматься на гору, нависшую над ними, предстояло только им двоим. Матросы же с лошадьми останутся здесь, благо место для временной базы было выбрано весьма удачно.

Сейчас, ранним утром, на этой высоте было весьма прохладно, но как потом подниматься на эту крутизну в морских свитерах? Посоветовавшись, решили, пока будет возможно, идти в них, а затем снять и оставить на каком-нибудь видном месте, чтобы захватить при спуске.

Взяв притороченные к седлам посохи, ножи, фляжки с водой, сухари, по куску рафинада, блокноты и карандаши, присели на дорогу. Затем, перекрестясь, двинулись в путь, а матросы провожали их печальными взглядами чуть ли ни как покойников, помня слова проводника, так запавшие в их суеверные православные души.

* * *

Подниматься вверх даже после отдыха было очень тяжело, и вскоре они сняли свитеры, положив их на хорошо выделяющуюся среди окружающих камней вулканическую бомбу¹⁹. Вокруг были базальты, омываемые потоками застывшей лавы. Как ищейка, Григорий Иванович выбирал наиболее подходящий путь, и они, задыхаясь от недостатка кислорода, все-таки, хоть и медленно, продвигались вперед.

Солнце уже подходило к зениту, а вершина вроде бы и не приближалась. Григорий Иванович все чаще во время кратковременных остановок доставал из карманчика у пояса серебряные часы на серебряной же цепочке и, шевеля губами, делал какие-то расчеты.

– Ну что, Андрей Петрович, до кратера мы, конечно, доберемся. А вот как быть дальше, это большой вопрос.

¹⁹ Вулканическая бомба – комок лавы, выброшенный во время извержения в жидком или пластическом состоянии и получивший во время полета в воздухе ту или иную форму. Размеры вулканических бомб достигают 7 м в длину.

– Давайте доберемся до вершины, а там и посмотрим, что делать, – философски изрек усталый Андрюша.

– И то верно!

Подъем продолжался, пока они не вышли на довольно широкую, саженей в две, площадку. Не успел Андрюша присесть на ближайший камень, как раздался восторженный возглас спутника:

– Андрей Петрович, Андрей Петрович!

Григорий Иванович стоял у почти отвесной стены, зачарованно глядя перед собой. Подойдя к нему, Андрюша был поражен не меньше его. На каменной стене были отчетливо видны высеченные кем-то и, как видно, очень давно какие-то знаки и фигурки. А ученый все никак не мог успокоиться:

– Это же мировое открытие! Эти таинственные надписи могут рассказать об очень и очень многом! Какая удача!

И удивленно глядя на Андрюшу, неожиданно произнес:

– А на какой ляд нам теперь сдалась эта вершина?

Неопределенно пожав плечами, он, все еще находясь в большом возбуждении, предложил начать немедленно делать зарисовки наскальных надписей.

Андрюша улыбнулся:

– Григорий Иванович, а может быть, сначала немного отдохнем, не то, не дай бог, руки дрожать будут. Как бы чего не напутать.

Тот глянул на него и задорно рассмеялся.

Передохнув, они вооружились блокнотами и, по предложению Григория Ивановича, стали срисовывать надписи в две руки, то есть отдельно, чтобы впоследствии при их расшифровке избежать возможных пропусков и ошибок, сравнивая обе копии. Трудились молча, не спеша, прекрасно понимая цену возможным неточностям.

* * *

Закончив работу, засунули за пазухи блокноты с драгоценными записями и, сев на камни, достали съестные припасы. Григорий Иванович, запивая из фляжки сухари с кусочками рафинада, вслух размышлял:

– Тенерифский пик является действующим вулканом, подтверждением чему является вон та расщелина в дальнем конце площадки, из которой сочатся какие-то газы, то есть налицо наличие фумаролы²⁰.

Андрюша возмущенно вскочил:

– Извольте объяснить, почему я об этом узнаю только сейчас?

– Да потому, уважаемый Андрей Петрович, – спокойно ответил тот, – что я и сам только что обнаружил ее, отойдя туда по малой нужде.

– Это не опасно? – несколько успокоившись, спросил Андрюша.

– Думаю, что не очень. Ведь мы здесь находимся довольно длительное время, и явных признаков отравления у нас пока не наблюдается.

– А может быть, эти газы обладают каким-нибудь замедленным действием?

– Навряд ли. Мне представляется, что химический состав газов может периодически изменяться в зависимости от активности процессов, происходящих внутри земной коры. Однако ни здесь, ни на подступах к этой площадке мы не обнаружили никаких признаков гибели людей или животных. Так что табу, наложенное на посещение этих мест аборигенами,

²⁰ Фумарола – выделение газов из трубкообразных отверстий и трещин на стенках и дне кратера вулкана и на его склонах.

имеет какие-то другие корни, о которых, вполне возможно, могут рассказать наскальные надписи при их расшифровке.

Строгая логика рассуждений ученого окончательно успокоила Андрюшу. Эх, знать бы, о чем сообщается в этих надписях...

– Вполне очевидно, – между тем продолжал свою прерванную мысль Григорий Иванович, – что последнее извержение вулкана произошло очень и очень давно, иначе наскальные надписи были бы, с большой долей вероятности, уничтожены. Но теперь эти таинственные надписи будут сохранены для потомков.

– От всей души поздравляю вас с этой замечательной находкой! – несколько торжественно произнес Андрюша, с удовольствием пожимая руку ученого.

– Нас, – уточнил Григорий Иванович. – Теперь в научных кругах многих стран будут в ходу две их копии – моя и ваша.

Глянув на так и непокоренную вершину, он усмехнулся:

– То-то будет удивлен наш проводник, увидев нас живыми и невредимыми, да еще раньше срока.

И они стали не спеша спускаться по крутому склону вулкана.

* * *

Шлюпы, слегка накренившись на правый борт, резво рассекали воды Атлантического океана. Их команды, отдохнувшие и вдоволь накупавшиеся, бодро несли вахтенную службу. Но главным событием по-прежнему были удивительные результаты экспедиции по восхождению на Тенерифский пик.

Когда ее члены триумфаторами вернулись на «Надежду», то почти сразу же были приглашены Резановым в свою адмиральскую каюту. Внимательно и с большим интересом рассматривая копии наскальных надписей, он удовлетворенно хмыкнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.